

Шарипова Зайтуна Яхневна

Становление башкирской литературной мысли

Специальность 10.01.02.
Литература народов Российской Федерации
(башкирская литература)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Уфа 2005

Работа выполнена на кафедре башкирской литературы и фольклора
Башкирского государственного университета

Научные консультант: доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент АН Республики
Башкортостан Р. Н. Баймов

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
действительный член АН
Республики Башкортостан Г. Б. Хусанов
Доктор филологических наук, профессор,
академик Международной тюркской
академии Н. Н. Тобуроков
Доктор филологических наук, профессор,
академик МАН ВШ Р. К. Амиров

Ведущая организация – Институт языка, литературы и искусства
имени Г.Ибрагимова АН
Республики Татарстан

Защита состоится 29 сентября 2005 г. в 14 часов на
Заседании диссертационного совета Д 212.013.06 по присуждению
ученой степени доктора филологических наук при Башкирском
государственном университете по адресу: 450074, г. Уфа, ул. Фрунзе,
32, главный корпус.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Башкирского государственного университета.

Автореферат разослан «26» августа 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
профессор

А. А. Федоров

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000171690

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

0-752134

Шарипова Зайтуна Яхиевна

Становление башкирской литературной мысли

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Башкирская литература уходит корнями в глубь столетий. Как любая национальная художественная словесность, она имеет свои специфические черты, так или иначе складывающиеся в процессе развития. По их характеру и совокупности выделяются отдельные этапы становления и полноценного формирования национальной литературы. Её развитие не представляет собой единое и прямолинейное движение вперед, поскольку литературная жизнь прямо или косвенно зависима от конкретных общественно-политических, социально-бытовых обстоятельств. Художественно опережая глубинные противоречия не только своего времени, но и других эпох, литература отвечает тем самым духовным запросам именно своего общества.

Всесторонний анализ тех или иных литературных явлений, их идейно-эстетическая оценка, определение места и значения в литературном процессе являются самыми важными задачами каждого национального литературоведения. Еще в конце XIX века были сделаны первые шаги по составлению истории башкирской литературы, но в силу объективных общественно-политических причин её полноценное изучение развернулось лишь в шестидесятые годы прошлого столетия. В освещении малозученных её страниц, творчества отдельных писателей, истории литературных направлений, жанров и творческих методов успешно работали ученые А. И. Харисов, Г. Б. Хусанов, Г. З. Рамазанов, М. Ф. Гайнуллин, К. А. Ахмедьянов, А. Х. Вахитов, Р. Н. Банимов, З. А. Нургалин, Т. А. Кыльмухаметов, М. Х. Мингажетдинов, С. Г. Сафуанов, Н. Т. Зарипов, Р. К. Амиров и др. Появились обобщающие труды о башкирской литературе советского периода, изданные на башкирском и русском языках в разные годы¹. В достижении определенных успехов литературной критики играли немаловажную роль исследования А. Х. Хакимова, Р. Т. Бикбаева, И. Г. Валитова, Р. З. Шакурова, М. Г. Хамидуллиной.

С принятием в 70-е годы государственной программы по исследованию истории многонациональной советской литературы активизировались работы источниковедческого характера. Были выявлены усилиями целого круга таких исследователей, как В. А. Ахмадиев, И. К. Буляков, Г. С. Кунафин, А. Х. Вильданов, М. Х. Идельбаев, З. Я. Шарипова, М. Х. Надергулов и др. были выявлены и введены в научный оборот ранее неизвестные пласты литературного наследия.

К середине девяностых годов прошлого столетия было успешно завершено многолетнее исследование истории башкирской литературы под

¹ Башкирская советская литература. – Уфа, 1955; Очерки по истории башкирской литературы. Т.1-2. – Уфа: БГУ, 1963, 1965; История башкирской литературы: Очерки. – Уфа, 1967 и т.д.

руководством академика Г.Б. Хусаннова². Вышли в свет шесть томов коллективного труда ведущих литературоведов республики с охватом истории от древнетюркского времени по XX век, где систематизированы наиболее значительные литературные факты и явления, выявлены общие закономерности исторического пути башкирской литературы. Были продолжены работы по более детальному изучению жанрового состава литературы, их эволюции в системе литературных родов, в определенных хронологических рамках. Исследования Г. Б. Хусаннова, Р. Т. Бикбаева, Т. А. Кильмухаметова, Г. С. Кунафина, М. Х. Идельбаева, Р. Б. Ахмадиева³ внесли достойный вклад по данной проблематике.

Начало XXI века ознаменовалось как общемировая тенденция усилением интереса к поиску первоначал, в том числе и в истории национальных литератур. Искания взаимосвязей с древними культурами, с восточными литературами превратились в самостоятельное научное направление. Р. Н. Банмовым и под его руководством был выполнен ряд исследований⁴, освещающих ранние связи башкирской литературы с древним Востоком, особенно с арабо-персидской культурой.

Наряду с успехами, свидетельствующими о зрелости башкирского литературоведения, были и остаются проблемы, решение которых требует иных методологических подходов.

В постсоветское десятилетие идет бурная перестройка всех базисных начал в обществе. Изменение общественно-политической ориентации, социально-экономических отношений привело соответственно к изменению нравственных и ценностных установок, что существенно повлия-

² История башкирской литературы в 6-ти томах. – Уфа, 1990-1996 гг. (на башк.яз.).

³ Хусаннов Г.Б. Башкирская литература XI-XVIII вв. – Уфа: Гилем, 1996; его же. Литература и наука: избр. научные труды – Уфа: Гилем., 1998; и др.; Бикбаев Р.Т. Эволюция современной башкирск. поэзии – М.: Наука, 1991; Кильмухаметов Т.А. Поэтика башкирской драматургии. – Уфа: Китап., 1995; Кунафин Г.С. И песней, и сатирой. – Уфа: Китап, 1995; его же. Башкирская нарративная поэзия XIX в. – нач. XX в.: вопросы жанровой системы. – Уфа, БГУ, 2003; Идельбаев М.Х. Башкирск. лит-ра XVIII в. и тв-во С.Юлаева. – Уфа: БГУ, 2003; Ахмадиев Р.Б. Жанровые формы драматургии – Уфа: Китап. – 2003 (на башк.яз.) и др.

⁴ Банмов Р. Н. Восточные корни евразийства ((Ядкяр. 2002. - № 4; его же. Литература Востока: материалы... Уфа, 2001. и др.; Гайсина Ф. Ф. Восточные поэтич. традиции в башк. лит-ре (20-88 гг. XX в.) – АКД. – Уфа, 2000; Сибгатов Ф. Ш. Художественное отражение коранич. мотивов в башк. лит-ре. – АКД, Уфа, 2000; Янбаев И. К. Восточные эпич. традиции в книге «Асар» Р. Фахретдинова. – АКД, Уфа, 2001.

яло на содержание идейно-эстетических воззрений. Изменился статус самой художественной литературы, который раньше определялся партией как общегосударственная установка. Общественно-экономические условия современной России породили совершенно иные условия функционирования литературы. В отличие от советского времени ныне она ставится в рыночные конкурентные отношения, во-первых, с другими массовыми синтетическими видами современного искусства, во-вторых, с другими более продвинутыми в техническом плане информационными средствами. Художественная литература ими как бы отодвигается на второй план, теряя свои привычные позиции перед читателями. В этих условиях проблемы развития любой, в том числе и башкирской литературы, становятся очень актуальными, требующими немедленного и более глубокого изучения.

В большинстве научных трудов развитие литературы рассматривается как смена направлений, творческих методов или эволюция жанров, они выступают в роли научных критериев или материальных показателей развития. В любом случае словом «развитие» номинируется некий процесс, происходящий в поле литературы. Между тем надо отметить, что данное понятие в отношении художественной литературы включает в себя множество моментов, каждый из которых может рассматриваться как отдельная научная проблема. Если представить, что развитие есть всегда поступательное движение, которое протекает в определенных временных рамках, то литература предстает как система, подверженная такому движению. Творческая деятельность авторов разных поколений является движущей силой, обеспечивающей поступательность литературного развития. Его невозможно описать в рамках традиционных эмпирических исследований, требуется иной методологический подход с соответствующим понятийным набором.

Целью диссертации является, во-первых, обоснование правомерности применения нового методологического подхода для исследования проблемы развития башкирской литературы, во-вторых, выявление и описание общих закономерностей становления башкирской литературной мысли от её истоков по XIX век.

Для достижения данной цели ставятся следующие задачи:

- раскрыть структуру творческой деятельности, где одним из основных элементов структуры выступает литературная мысль; раскрыть функции литературной мысли, её значение и роль в творчестве автора;
- определить наиболее ранние истоки башкирской литературной мысли, изучив литературную мысль древних тюрков, раскрыть основное содержание арабо-персидской поэтики;
- определить этапы и особенности становления башкирской литературной мысли до XX века;

- проанализировать литературную мысль авторов, оставивших заметный след в истории башкирской литературы с XIII по XIX век.

Материалом для проведения исследования являются введенные в научный оборот тексты литературных памятников, хранящиеся в рукописном и старопечатном виде в различных фондах башкирских поэтов, воспоминания, публикации о жизненном и творческом их пути, архивные документы.

Научная новизна диссертации обусловлена новым методологическим подходом к истории развития башкирской литературы и может быть представлена в главных направлениях исследования следующим образом:

- впервые в башкирском литературоведении предпринимается исследование творчества поэтов и писателей с точки зрения деятельностного подхода;
- впервые общеупотребительное словосочетание «литературная мысль» рассматривается как литературоведческое понятие и разграничивается его содержание и функции в творческом процессе автора с акцентом на его целевые установки;
- выявляются истоки: древнетюркские и арабо-персидские литературные традиции и определяется их роль в становлении башкирской литературной мысли;
- определяются этапы и особенности становления башкирской литературной мысли до XX века на основе конкретного анализа письменных произведений поэтов прошлого.

Теоретической и методологической основой данной работы являются труды теоретиков литературы М. Б. Храпченко, Д. С. Лихачева, М. М. Бахтина, Л. Н. Тимофеева, Г. Н. Пospelова, Б. С. Мейлаха, А. С. Бушмина, Д. Д. Благого, Г. И. Богина, Н. А. Гуляева, П. А. Николаева, В. Е. Хализова, И. Ф. Волкова и др.; востоковедов В. В. Бартольда, Е. Э. Бертельса, И. С. Брагинского, И. М. Фильштинского, Б. Я. Шидфар; тюркологов С. Е. Малова, И. В. Стеблевой и исследователей национальных литератур Г. Б. Хусаинова, А. И. Харисова, Р. Н. Баимова, Г. С. Кунафина, М. Х. Идельбаева, Н. Ш. Хисамова, Н. Н. Тобурокова, С. Ж. Балданова.

Работа обосновывается на принципах историко-сравнительного, системно-деятельностного подхода при исследовании литературной мысли поэтов, художественно-эстетического анализа художественного текста.

Практическое применение и апробация работы

Практическая значимость диссертации заключается в том, что её основные положения и выводы будут иметь значение для дальнейшего углубленного изучения проблем развития башкирской литературы в современных условиях, для углубленного исследования вопросов литературной

мысли XX века. Предпринятый в работе анализ отдельных произведений и уточненные биографии отдельных авторов будут использованы в создании учебников и учебных пособий для школ и вузов республики, также послужат теоретическим и практическим материалом для преподавания в вузах истории башкирской литературы.

Как работа, системно рассматривающая особенность литературной деятельности и творческого процесса в целом, диссертация представляет интерес для писателей и других творческих работников, занимающихся вопросами башкирской духовной культуры.

По теме исследования были прочитаны доклады на республиканских, региональных и международных конференциях в Уфе и городах республики, сделаны выступления на собраниях писателей Республики Башкортостан, на республиканских теле- и радиопередачах, проведены курсы и семинары учителей башкирского языка и литературы. По материалам диссертации сделаны доклады и сообщения на ежегодных вузовских и научно-практических конференциях. Основные положения и итоги исследования изложены в публикациях диссертанта.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание диссертации

Во введении на фоне краткого обзора успехов и достижений современного башкирского литературоведения обосновывается выбор и актуальность темы, определяется состояние её научной разработанности, намечаются цели и вытекающие из них конкретные задачи, намечается научно-практическая основа применяемого в работе методологического подхода, указывается научная новизна и практическая значимость, кратко описывается структура работы.

Первая глава диссертации «Литературное творчество и литературная мысль: методологические основы исследования» состоит из двух разделов. В них рассматриваются некоторые теоретические вопросы развития литературы как процесс ее изменения, что обеспечивается литературным творчеством многих поколений мастеров поэтического пера.

В первом разделе главы раскрывается историография исследований по данной проблематике. Конкретные художественные произведения представляют реалии, удостоверяющие наличие и состояние той или иной национальной литературы, поэтому пристальное изучение всех их качеств с самого начала стало важнейшим направлением литературоведческой науки. Основной методологический освещенный генезис и истории развития русской, затем и национальных литератур, стала теория жанров, выдвинутой в трудах В. Г. Белинского, А. А. Потебни, А. А. Веселовского.

В двадцатые годы XX века появилась концепция «эволюции литературных жанров»¹. В последующие годы изучение путей становления и жанровых форм в их стилевом разнообразии стало одним из ведущих направлений отечественной науки. В башкирском литературоведении также целенаправленно исследовались проблемы, связанные большей частью с жанрово-стилевой природой башкирской литературы на разных этапах истории. Наиболее значительный вклад в дело изучения жанров поэзии сделали Г. Б. Хусанов, Р. Т. Бикбаев, К. А. Ахмедьянов, В. И. Ахмадиев, Г. С. Кунафин, прозы – Р. Н. Баймов, А. Х. Вахитов, драматургии – М. Ф. Гайнуллин, Т. А. Кильмухаметов, Р. Б. Ахмадиев и др.

Одним словом, системные исследования проблем поэтики, так или иначе связанные с типологией жанра, превратились в одно из универсальных и перспективных направлений современной литературоведческой науки. Вместе с тем надо отметить, что они не являются всеобъемлющими, поскольку не охватывали весь спектр общественных и социальных процессов, в которые вовлечена литература. Эта сторона традиционных исследований обнаружилась еще в 60-е годы XX столетия, когда в стране по-настоящему стала разворачиваться научно-техническая революция. Острая нужда в новом качестве научных знаний вызвала необходимость изучения взаимосвязей между разными отраслями науки, поиска новых направлений на стыке разных наук.²

Осуществление комплексного подхода для преодоления одноаспектности и эмпиричности при изучении и природных, и социальных объектов стало в то время одной из главных задач, поставленных государством перед научным сообществом. Поиск путей повышения эффективности и качества фундаментальных исследований, поиск нестандартных методологических подходов превратился в объект горячо обсуждаемых в обществе проблем. В гуманитарных науках большие дискуссии вызвал вопрос о применении точных критериев в целях достижения истины, меры её объективности по отношению и к социальным объектам.

Также в 60-е годы прошлого века, когда междисциплинарные связи обозначились как характерная черта развития науки, была выдвинута задача комплексного изучения художественного творчества. Комиссия АН СССР по комплексному изучению творчества, которая сумела скоординировать работы по этому направлению, организовала творческие диалоги между учеными³. В диссертации достаточно полно излагается о сути спо-

¹ Сивцева П.В. Эволюция жанровой системы якутской поэзии: типологические аспекты. – АДД. – Уфа, 1999. – С.7.

² Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук: (сб. трудов). – М.: Наука, 1981. – 439 с.

³ Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения // 1982. – Л.: Наука, 1982. – 286 с.

ров и мнений А. Н. Бушмина, Д. Д. Благого, Б. С. Мейлаха, Д. С. Лихачева, С. Х Раппопорта, Г. Д. Гачева и др. по поводу применения количественных методов в исследованиях проблем художественной культуры¹. Тем не менее споры о допустимости и полезности, или, наоборот, бессмысленности точных критериев и методов в науках об обществе, об искусстве вскоре переросли в оживленные обсуждения природы человеческого сознания, особенностей духовно й жизни, природы самого искусства. Вышли в свет исследования Н. К. Пиксанова, Д. С. Лихачева, М. М. Бахтина, Л. И. Тимофеева, Г. Н. Пospelова и др. о творческой деятельности и её особенностях, своеобразии мастерства отдельных писателей разных эпох. В своем вузовском учебнике «Основы теории литературы» (1976) Л. И. Тимофеев подчеркивает роль мировоззрения писателя, считая его первичным по отношению к творчеству.

В этом отношении очень интересна работа академика М. Б. Храпченко «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы» (1977), где литература рассматривается прежде всего «как результат индивидуальных исканий и завоеваний художника». Своим утверждением, что «трудом писателя создается и в искусстве, и в литературе весь прогресс», ученый приводит литературоведческое познание в соответствие с реальной действительностью, причем прогрессом он считает эволюцию художественного мышления и развитие новых средств творческого обобщения действительности².

Труд писателя, создание литературных произведений, литературное творение и т. д. — весь этот синонимический ряд понятий можно номинировать общим термином «литературная деятельность» и изучать один из видов деятельности, т. е. основываясь на методологии деятельностного подхода. Надо сразу признать, что творческая деятельность характеризуется многоаспектностью, каждый из них является самостоятельным объектом изучения отдельных наук — философии, нейрологии, лингвистики, психологии и т. д. Один из важнейших её аспектов стал в последнем десятилетии предметом нового научного направления — психологии творчества.

В рамках этого направления стала активно разрабатываться проблема восприятия художественного произведения. Присущее ему важнейшее свойство «направленность на читателя», получившее в трудах Бахтина название «диалогичность», позволяет объективно исследовать литературу в плане функций. Связка «автор — читатель» стала объектом исследований в работах В. Прокурова, Г. Богина, В. Е. Хализева и др. Её важность осознается и самими

¹ Искусство и точные науки. — М.: Наука. — 1979. — 296 с.

² Храпченко М. Б. О процессе в литературе и искусстве // Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. Изд. 4-е. — М.: Худ. лит.-ра, 1977. — с. 317.

творцами. В диссертации приводятся примеры из произведений известных башкирских писателей и поэтов: М. Карима, Н. Наджи, Б. Рафикова, Р. Бикбаева, Г. Хисамова, З. Султанова и др., выражающие их взгляды по данному вопросу.

Актуализация проблем литературного творчества, таким образом, способствовала более пристальному вниманию к процессуальным вопросам развития литературы, в итоге они стали рассматриваться как тесно взаимосвязанный процесс.

Во втором разделе конкретизируются понятие «развитие» по отношению к литературе и понятие «литературная мысль» как выражение литературного сознания автора. В общепринятой в литературе трактовке термин «развитие» употребляется для обозначения закономерного поступательного движения, т.е. перехода от одного состояния в другое в направлении к более совершенному состоянию, к прогрессу. Первопричиной таких изменений в философии указывается единство и борьба противоположностей как отрицание отрицания. При этом некоторые явления более низкого уровня исчезают, а некоторые сохраняются в преобразованном виде по ходу количественных изменений в качественные.

Собирательное понятие «литература», употребляемое для обозначения некой совокупности как всех письменно-словесных текстов, так и отдельной их составной части, именуемой «художественно-словесной», как бы изначально заключает в себе смысл количественности.

Тем не менее невозможно определить закономерные изменения в составе литературы как прогресс, опираясь лишь на параметры количества. Развитие литературы имеет свою специфику, отличающуюся от развития других систем.

Сама по себе литература, т.е. неопределенно-количественная совокупность, состоящая из множества письменных текстов, не обладает свойствами самоизменения, поэтому вопрос должен быть поставлен методологически верно: кто и как развивает литературу? Такое уточнение крайне важно, ибо развитие литературы происходит только в результате творческой деятельности автора. Художественный текст, созданный им согласно своей литературной мысли, является показателем того или иного новшества в литературе.

В большинстве научных изысканий литературная деятельность писателя рассматривается с процессуальной стороны, как любое практическое действие, протекающее в течение определенного времени и состоящее из ряда действий, которые последовательно меняют друг друга. При своей сугубо индивидуальности и неповторимости, как пишет Н. А. Гуляев, в творческом процессе выделяют наиболее характерные этапы как «замысел, создание плана, написание произведения, его отделка»³. В книге «Тайны творчества»

³ Гуляев Н. А. Теория литературы. – М., 1985. – С. 110.

Г. Б. Хусанова более подробно описываются виды и содержание действий по созданию конкретного произведения¹. На начальном и втором этапах, которые ученый называет подготовительными, рождается замысел, уточняются идейно-тематическое содержание, жанровая форма, сюжет-композиция, составляется план-схема, пробное написание этюда, эскиза и т.д. На третьем этапе, по его мнению, автор созревает и начинает писать, после окончательной правки рукопись готовится к печати.

Надо заметить, что содержание творческого процесса изучается в рамках научного направления «Психология творчества». Согласно психологической схеме деятельности, литературное творчество складывается из ряда этапов как созерцание, анализ, проектирование и завершается конкретным действием. У литературоведов больше интереса вызывает фаза созерцания. В диссертации рассматривается понятие «миросозерцание», употребленное еще в XIX веке Н.А. Добролюбовым в статье «Темное царство» в значении непосредственно-оценочного отношения художника к жизни. Г.Н.Поспелов существенно уточняет это понятие, считая «миросозерцание» художника всегда общественно направленным². По его мнению, идеологическое миросозерцание, выразившееся в интересе к каким-то общественно-историческим характеристикам жизни и эмоциональном осмыслении их, являются частью мировоззрения писателя и первичны по отношению к его теоретическим взглядам.

В исследованиях отдельных ученых, например, Л. И. Тимофеева, М. Б. Храпченко, мировоззрение писателя рассматривается так же как система или совокупность взглядов на общество и природу и считается источником или основой его творчества³. В. Е. Хализев пишет, что миросозерцание, теоретические знания и взгляды писателя выступают как две формы авторского сознания и потому «деятельность писателя заключается именно в том, что, так или иначе «опредмечивать» в произведении свое сознание»⁴. Делая обзор методологических подходов к проблеме генезиса литературного творчества, В. Е. Хализев приходит к выводу о разнородности и множественности факторов писательской деятельности.

Как в любой деятельности в литературном творчестве просматривается определенная структура с её отдельными элементами, так или иначе участву-

¹ Хусанов Г.Б. Тайны творчества. – Уфа: Китап, 1995. – С. 7-24 (на баш. яз.).

² Поспелов Г. Н. Теория литературы: Учебник для ун-тов. – М.: Высш. шк., 1978. – С.85-88.

³ Тимофеев Л. И. Основы теории литературы: учебное пособие: изд. 5. – М.: Просвещение, 1976. – С. 75; Храпченко М. Б. Познавание литературы и искусства.: - М., Наука, 1987. – С. 163.

⁴ Хализев В. Е. Теория литературы. Учебник для вузов. Изд. 2. – М.: Высшая шк., 2000. – С. 58, 68.

ющими в процессе творческого акта. Не вдаваясь в подробности анализа предметов и орудий литературного труда, в диссертации исследуется отдельный ее элемент - литературная мысль автора.

Хотя словосочетание «литературная мысль» не ново и всем знакомо, за ним до сих пор не закрепилось определенное постоянное значение. Каждый исследователь употребляет и воспринимает его по своему разумению, а не как точный литературоведческий термин. Оно, естественно, не включено в терминологические словари, как и само слово «мысль». Надо сказать, что без пристального рассмотрения самого творческого акта писателя невозможно определить содержание понятия «литературная мысль». Её природа и функции более зримо предстают при сравнительном анализе устно-поэтического и письменного способа творчества. В отличие от литературы основными признаками фольклора считают то, что народное творчество является устным и коллективным действием, основанным на традициях⁵. В зависимости от ситуаций и обстоятельств личного характера это означает, что фольклорный текст всякий раз как бы заново создается в момент исполнения того или иного образца. Воспроизведение заранее знакомого текста оказывается в актом творения, их невозможно расчленить как отдельные процессы. Устная форма происхождения и бытования порождает многовариантность фольклорных текстов, так как они находятся в постоянном движении, подвергаясь даже смысловым изменениям в результате всё новых и новых повторов разными поколениями исполнителей-творцов. В то же время согласно традиции фольклорный текст сохраняет устойчивую основу, содержащую определенный сюжет со своим композиционным строем, единую систему образов, общую идею и т.д. Такую же устойчивость приобретают изобразительные средства в виде формульно-словесных конструкций, именуемых так же как «особые готовые модели», «основные универсальные средства языка устной поэзии», «стереотипные формулы», которые составляют «формульный фонд народной поэзии»⁶.

Таким образом, развитие в фольклоре происходит в виде преемственности и сохранения как конкретного содержания и формы, так и средств изображения; даже новые произведения в нем могут возникнуть только в рамках сложившейся традиции.

Литература в принципе развивается так же, сохраняя и обогащая поэтические традиции, но параметры развития в ней несколько иные, чем в фольклоре. Творение литературных текстов носит сугубо индивидуальный, личностный характер, в результате чего рождается единственный, неповторимо своеобразный, в каждом отдельном случае новый текст. В отличие от фольклора

⁵ Анникин В. П. Русский фольклор. – М.: Высш. шк., 1987. – С. 32.

⁶ Романова Л. Н. А. Е. Кулаковский и его современники: Особенности поэтического языка. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 9.

в нем не допускается прямое заимствование уже существующих произведений, хотя автор волен в выборе любых способов и средств художественного выражения, как своих, так и готовых, в том числе и фольклорных. Одним словом, сохранение и обогащение всего творческого поэтического арсенала – один из важнейших, но не основных параметров, определяющих реальное развитие литературы.

Письменная фиксация текста предполагает целеустремленные, осознанные действия, в основе которых лежат знания и практические навыки в виде представлений о литературном тексте, о его формах и видах, о приемах и методах написания текста, знания языка и изобразительных средств и т.д., которые можно объединить под общим понятием «представления о литературной норме». Очень важную роль в творческом деле имеют представления о роли и значении литературы, понимания её места и функций в обществе вкупе с убеждениями, умением отбора и осмысления жизненного материала. Все эти знания и умения мы называем литературной мыслью писателя-творца. Как выражение авторского творческого, иначе литературного сознания, литературная мысль является составной частью художественной мысли, имеет множество аспектов изучения. В диссертации она рассматривается как орудие выражения писателем социозначимых идей, художественных смыслов событий и явлений в форме литературных текстов изобразительными средствами языка.

В фольклоре социозначимость достигается в процессе длительного естественного социального отбора: из уст в уста передается и запоминается только то, что интересно, что занимает и волнует всех не только в одном, но и в течение многих поколений. Чтобы достичь примерно такого же уровня социологизации, в литературный текст должен быть вложен значимый и важный для жизни народа смысл, только в этом случае можно вести речь о художественном совершенстве созданного текста. Можно заимствовать, усвоить, творчески переработать, применять в любом наборе изобразительные средства, но невозможно перенять способность художественного осмысления реальности и образного воплощения его в тексте. Достижение в своих художественных обобщениях высшего социального смысла свидетельствует о зрелости литературной мысли того или иного автора. Таким образом, уровень социализации выступает как критерий определения развития литературы.

Литературная мысль любого автора носит конкретно-исторический характер. Она меняется в зависимости от общественно-политических, идейно-эстетических запросов, в результате контактных и других культурно-научных взаимосвязей, от уровня развития цивилизаций. В любом случае литературная мысль творцов, продолжая традиции и проявляя новаторство, является именно движущей силой развития литературы.

Во второй главе диссертации рассматриваются ранние этапы становления башкирской литературной мысли и анализируются её древние истоки.

Становление башкирской литературной мысли – процесс сложный, длительный, растянувшийся на многие столетия. Его своеобразие обусловлено различными объективно-историческими факторами общественно-политического и социально-экономического порядка. Среди них решающее значение имеют пути исторического развития башкирского общества, особенности формирования башкирской нации и национального самосознания, характер которого во многом зависит и от естественно-географических условий бытования.

Географический ареал расселения, исторического развития и национальной консолидации башкир, как пишет Б.Х. Юлдашбаев, – это в основном территория современного Башкортостана¹. По сведениям восточных и западных путешественников IX – XIII веков, обширные земли по обеим сторонам Уральского хребта от Волги до Тобола и прилегающая к ним лесостепная зона от Камы до Каспийского моря являлись местом постоянного обитания многочисленных башкирских родов и племен. Рассматривая естественно-историческую среду как важнейший фактор формирования этнического сознания, философы А. Я. Зарипов, Ф. С. Файзуллин выделяют особое своеобразие географического положения исторического Башкортостана: граница лесного севера и степного юга, стык разнотипных культур, именуемых обобщенно «Восток и Запад». Южный Урал также можно назвать уникальным музеем древности, где материально представлен как бы хронологический срез разных исторических эпох. Богатство природных ресурсов делали Южный Урал удобным для ведения хозяйства, оттого и во все времена привлекательным для проживания, о чем свидетельствуют довольно полно сохранившиеся матеральные артефакты человеческой жизнедеятельности разных эпох и цивилизаций. Например, древнекаменный век представлен рисунками пещеры Шульган-таш (12-10 тыс. д.н.э.), развитой бронзовый век – десятками городов-крепостей древних металлургов Баишевского комплекса, Аркаима, Сынташты, которые оказались на целое тысячелетие древнее подобных городов Бактрии, Хорезма (XIII – XI века д.н.э.)². К тому же Южный Урал является своеобразным местом соприкосновения многочисленных этносов, относящихся к разнотипным (индоиранским, финно-угорским, тюркским, позже славянским) языковым группам. Маршруты Великого переселения народов из Азии в Европу, завоеватель-

¹ Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). – Уфа: БКИ, 1972. – С. 78.

² Мажитов Н., Султанова А. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. – Уфа: Китап, 1994. – С. 31.

ные походы Чингисхана, в XVIII – XIX вв. освоение Сибири, присоединение народов Средней Азии, затем походов Тамерлана так или иначе проходили через южноуральские степи. Имея в виду постоянные перемещения и смещения народов, вышеупомянутые ученые А. Зарипов, Ф. Файзуллин определяют данную территорию «зоной повышенной контактности»¹.

Постоянное смешение этносов, столкновение и отталкивание их общественно-политических интересов, распад одних и возникновение на огромных евразийских просторах новых и новых государственных образований, изменяли характер не только социально-экономических взаимосвязей, но зачастую в какой-то степени меняли духовно-эстетическую, даже религиозную ориентацию, затрагивая те или иные формы общественного сознания. Этносы, проживающие в зонах повышенной контактности, воспринимают и творчески перерабатывают элементы культур определенных народов, испытывая соответствующее влияние и на ментальном уровне. Особая пестрота и динамизм этнических процессов на этом межконтинентальном пространстве наложили своеобразный отпечаток и на состав, и на содержание духовной культуры всех этносов, населяющих Южный Урал. «Наличие у башкир, как и у других тюркоязычных народов Поволжья и Урала – чувашей, татар, существенных совпадений с древнеиранскими – языковых, мифологических, космогонических компонентов, топонимических параллелей, схожесть орнаментов, обрядов, ряда ритуалов, праздников, как пишет профессор Р. Н. Банмов, объясняется не только влиянием, поздними контактами, но и генезисом, общностью истоков»².

Отголоски древних этногенетических взаимосвязей сохранились как в предметах материальной культуры, так и в образцах устно-поэтического творчества того или иного народа. Одним из бесспорных доказательств подобной общности признан выдающийся памятник башкирского фольклора «Урал-батыр»³. При сопоставлении древнешумерского-аккадского сказания II тысячелетия д.н.э. о Гильгамеше и башкирского эпоса выявляются поразительная схожесть сюжетных линий, системы образов, общность идейно-смысловой основы. Совпадения в записях древнего писца на глиняных табличках и в бытовавшем в устном исполнении сэсэнов вплоть до XX века тексте «Урал-батыр» носят системный характер и свидетельствуют, безусловно, об общих корнях, единых истоках. Ученые, как, например, проф. Н. А. Мажитов,

¹ Зарипов А.Я., Файзуллин Ф.С. Этническое сознание и этническое самосознание. – Уфа: Гилем, 2000. – С. 140.

² Банмов Р.Н. Восточные корни проблемы Евразийства // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: материалы м/нар. конфер. – Уфа, 2002. – С. 28.

³ Башкирский фольклор. IV вып. 85 лет записи башкирского народного эпоса «Урал батыр» (сб.ст.) – Уфа: Гилем, 2000. – 300 с.

Р. Н. Баимов, А. М. Сулейманов, указывают на прямую связь эпоса «Урал батыр» со священной книгой зороастризма «Авестой» (I тыс. д.н.э.) и считают, что «Авеста» еще в глубокой древности являлась общим достоянием народов степной Евразии.

По богатству состава жанровой системы, по разнообразию содержания и образной символики, по устойчивости фольклорных традиций башкирское народное творчество занимает особое место в духовной культуре народов Урало-Поволжья. С древности фольклор выступал наиболее активной формой познания и художественного отражения действительности, и поэтому закономерно, что литературная мысль изначально вызревала в его недрах. Общеизвестно, что устно-поэтическое творчество развивалось в условиях синкретизма, в органическом единстве с другими способами художественного выражения. К тому же фольклорные тексты в большинстве случаев выполняли обрядовую функцию, бытуя в составе обрядов, обычаев, игр и народных праздников. Выделение из их состава собственно поэтического слова и есть начало становления индивидуальной авторской мысли как выражения его литературного сознания.

В диссертации подробно исследуются пути зарождения литературной мысли древнего автора на примере древнетюркских рунических памятников, относящихся к VI – IX векам н.э.

Памятники рунического письма, получившие по месту нахождения название «орхоно-енисейские», являются ярким примером взаимодействия фольклора и литературы. Появление подобных надписей связано с образованием в середине VI века государства тюрок, территория которого простиралась почти от Тихого океана до Каспийского моря. Согласно исследованиям Н. Мажитова, А. Султановой, в 558 г. в результате успешных военных походов Истеми кагана весь Южный Урал оказался в составе Тюркского каганата, объединившего таким образом многочисленные народы, в том числе и башкир, в единую государственность⁴. Примечательно, что некоторые башкирские роды, по утверждению этнографа Р. Г. Кузеева, свое происхождение связывают с именем легендарного полководца Восточно-тюркского каганата Кюль-тегина⁵. Именно его деяния и также деяния других правителей Тюркского каганата стали содержанием первых известных науке письменных текстов, которые - со временем дешифровок в 1893 году - изучаются специалистами разных направлений. Подход с точки зрения литературы впервые был осуществлен И. В. Стеблевой⁶.

⁴ Мажитов Н., Султанова А. История Башкортостана... С.98.

⁵ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. – М.: Наука, 1974. – С. 39, 60.

⁶ Стеблева И.В. Древняя поэзия // Поэзия древних тюрок VI-XII вв. – М.: Раритет, 1993. – С.9.

Разбив текст надписей на синтаксические периоды, она обнаружила в них своеобразную ритмику, которая осуществляется при помощи принципов относительной равносложности и равноударности. Не имея вначале представлений о наличии или отсутствии какой-либо собственно литературной традиции, ученая рассмотрела тексты в свете теорий современного тюркского стиха и пришла к выводу о том, что ритмика в разной степени совпадает с ритмическими особенностями фольклорного стиха тюркских народов Алтая, Южной и Восточной Сибири, Средней и Малой Азии, Поволжья. Помимо стихотворного размера найдено ещё одно свидетельство о наличии поэтической формы – явление аллитерации стиха. Опираясь на то, что аллитерация служит основным ритмико-композиционным средством в хакасском, тувинском и якутском стихе, имеет достаточно широкое распространение в народном киргизском, казахском, чувашском и башкирском стихе, встречается и в народном азербайджанском, турецком, туркменском и узбекском стихе, И. В. Стеблева использовала её как средство объединения стихотворных строк в строфы и реконструировала поэтическую форму. Установив, что древнетюркские рунические надписи состоят в основном как бы из четверостиший, ученая их оценила «как результат сознательного оформления мысли»¹.

Можно сказать, в орхон-енисейских письменных памятниках реализована литературная мысль той эпохи, которая носит всеобщий характер для всех тюркских поэтов древности. Помимо этого в памятниках содержится достоверная информация о личности поэта, о его социальном статусе в обществе. Надписи на камнях погребальных комплексов в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука связывают с именами Йолыг-тегина и Тоньюкука. Они считаются первыми известными науке тюркскими авторами древности. И Йолыг-тегин, и Тоньюкук принадлежат к правящей семье; прекрасно осведомлены о государственных делах, понимают их значение и принимают активное участие в их решении, особенно военных задач; образованны и воспитаны в духе патриотизма и героизма во имя величия тюркской державы и счастья народа; обладают эстетическим вкусом, духовно развиты.

В рунических памятниках нашли отражение их представления о собственной литературе и её функциях в обществе. Они выделены в особый цикл, в композиционном отношении представляют концовку, например, Малой надписи Кюль-тегина, где повествуется о причинах создания памятника и её изготовления. Йолыг-тегин демонстрирует глубокое понимание истинного значения письменного слова. Каково должно было быть, по их мнению, содержание высеченного на камне «вечного» текста?

¹ Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI-VIII вв. – М.: Наука, 1965. – С. 13.

Очевидно, авторами орхонских надписей не двигало желание оставить потомкам запись подлинной истории о том, что было в жизни тюрков в то время. Их главная цель в другом: выборочно описывая именно те эпизоды и события, где проявляются истинные духовные качества главных героев-правителей, передать их думы и чаяния о судьбах тюркского народа. Древние авторы представляли его в форме монолога правителя, где кратко излагается история становления государства, описываются наиболее важные эпизоды борьбы из-за территорий, за благополучие народа; дается напутствие народу с одновременным напоминанием о допущенных им в прошлом ошибках и предостережением от других в будущем. Свою задачу Йолыг-тегин и Тоньюкук видели не только в том, чтобы сочинить текст, а в том, чтобы его довести до народа и сохранить «на все времена». Этой цели подчинены все творческие приемы и действия авторов: повествование от первого лица, риторические вопросы и обращения, эмоционально окрашенная речь, краткость и образность изложения. У них присутствуют реальные представления о художественном оформлении текста в виде «вечного камня», чтобы обеспечить всеобщий доступ к нему.

Анализ текстов вышеупомянутых памятников показывает также наличие у древних авторов представления о художественном слове, о законах построения текста, о приемах создания литературного образа, о функциях изобразительных средств языка и т.д. По мнению И. В. Стеблевой, создание письменного художественного текста в древнетюркское время происходило по образцу устно-поэтического творчества тюрков. Самые характерные его элементы представляются так: наиболее архаичный тип повествования из трех элементов (зачин, развертывание содержания, концовка), выбор сюжетных элементов согласно идее победы, эпичность времени, места и событий, образ идеального героя – борца за счастье народа. В диссертации сравниваются надпись в честь Кюль-тегина и башкирский эпос «Урал-батыр» в плане определения общности повествовательных приемов, например, описание отдельных эпизодов, сцены обращения Урала батыра и прощание с народом и т.д.

Устойчивость так называемого творческого этикета, который соблюдался авторами рунических памятников, и его дальнейшее функционирование в статусе общелитературного канона подтверждается текстами Книги гаданий (нач. IX в.), фрагментами литературных памятников, включенных в «Дивану лутат ат-тюрк» М. Кашгари (XI в.). В диссертации они рассматриваются в целом и как зачатки литературной мысли башкир, в них обнаруживается много общих черт при сравнении с образцами башкирского народного творчества и письменной литературы последующего времени. Древнейшее средство тюркского стихосложения как аллитерация, в течение веков верно служило не только словесному искусству народов Сибири – якутам, бурятам, тувин-

цам и т.д.¹, но и сохранило свои позиции в башкирской поэзии до сих пор². Но в дальнейшем древнетюркская литературная традиция как бы отошла на второй план, уступив место новым званиям: литературное сознание явление не есть всегда постоянное. Значительному изменению подверглась в X веке и древнетюркская литературная традиция после прихода к власти тюркской династии в Средней Азии и принятия ислама. Столкнулись не просто два типа литературного творчества, столкнулись две мировоззренческие системы, последняя из которых оказалась главенствующей во всех мусульманских обществах средневековья.

В диссертации, опираясь на труды И. Н. Фильштинского, Б. Я. Шндфар, Ф. Роузентал, А. Меца, подробно рассматриваются основные черты средневековой мусульманской культуры. Ключом к пониманию её природы, по мнению ученых, является понятие «гилем – знание». Как утверждает Ф.Роузентал, нет такой стороны мусульманской духовной жизни, политической и религиозной деятельности мусульман, которую бы не затронуло всеобъемлющее отношение к «знанию» как к некой высшей ценности мусульманского бытия³. Главным источником мусульманских знаний объявлялся Коран, и по ходу изучения его текста сформировалась научная школа филологического направления. Появились центры передачи знаний по составлению различных антологий, по созданию специальных образовательных текстов. Художественное слово считалось самым эффективным средством воспитания адаба у образованного мусульманина, согласно чему сочинялись художественные тексты, которых стали называть «адабият».

В диссертации особо выделяется вклад в развитие литературной мысли арабских ученых Средневековья – теоретика литературы адаба аль-Мукаффы, выдающегося ученого-энциклопедиста и знаменитого сатирика аль-Джахиза, теоретика поэзии и основателя особой багдадской филологической школы Ибн Кутайбы и др. Философская глубина и значительность их теоретических взглядов по вопросам литературного творчества не вызывают сомнения, даже в начале XX века их труды изучались в качестве учебников в мусульманских ученых кругах Урало-Поволжья⁴.

Таким образом, в VIII – IX веках, сплаваясь в себе разнонациональные традиции, сложился в целом и утвердился общепринятый в литературной

¹ Балданов С. Ж. Общность литератур народов Сибири. – Улан-Удэ: Бэллэг. – 2001; Романова Л. Н. Кулаковский и его современники: особенности поэтического языка. – Новосиб-ск: Наука, 2002.

² Ахмедьянов К.А. Теория литературы. – Уфа: 1971 (на баш. яз.); Хусанов Г. Б. Башкирский стих. Поэтический словарь. – Уфа: Гилем. – 2003 (на баш. яз.).

³ Роузентал Ф. Торжество знания (перевод с англ.) – М.: Наука, 1978. – С. 21.

⁴ Валиди Тоган З. Воспоминания. Ч. I. – Уфа: Китап. – 1994. – С. 62, 67, 88.

среде арабский поэтический канон. Не имея какой-либо существенной опоры в доисламской традиции и часто используя в качестве образца индийские и иранские источники, говоря словами И. М. Фильштинского, арабские литераторы и ученые создали разнообразные жанры художественной, научной и деловой прозы – назидательную новеллу, сатирические рассказы и послания, трактаты политического, научного, религиозного и военного содержания, произведения адаба, литературно-критические сочинения, антологии и т.д.⁵ Принципы арабской литературной нормы оказали значительное влияние и на персидскую литературу, имеющую глубокие исторические корни, поэтика которой сложилась тоже к X – XII векам. Литературная мысль персидских авторов иногда декларировалась в художественных их творениях, как, например, в «Кабус наме»⁶.

Во втором разделе рассматриваются литературные взгляды Ю. Баласагунского, М. Кашгари. Примерно с середины X века арабо-персидская поэтика начала главенствовать и в тюркской литературной среде, особенно в государстве Караханидов. Потребность в языковых контактах вызвала необходимость лингвистических сопоставительных исследований, справочников, словарей, среди которых надо отметить выдающийся труд «Дивану лугат ат-тюрк» М. Кашгари. Его словарь тюркских слов на арабском языке интересен тем, что в нем дается много фактического материала по тюркским языкам, с привлечением образцов древнетюркской литературы. В диссертации делается обзор и анализ литературных отрывков с целью выявления сходных моментов в употреблении стилистических приемов, изобразительных средств языка.

Первым тюркоязычным образцом поэзии, созданным по правилам арабо-персидской поэтики, является поэма «Кутадгу билиг» (XI в.). Её автор Юсуф хас-хаджиб, главный советник правителя Кашгара, выходец из Баласагуна, энциклопедически образован, знает языки и обладает в совершенстве навыками литературного труда. Он осведомлен о литературах иранцев, туранцев, мачин, чини, государств Туркестана, стран Востока, как утверждается в поэме, располагает развитым художественным вкусом, хорошо знает действительность и законы управления обществом. К тому же природный дар во многом способствовал созданию в мусульманском духе подлинно философского произведения о Знании, дарующем счастье. Художественная форма и содержание поэмы, её сюжетно-композиционный строй, образная система, особенности которых подробно рассматриваются в диссертации, преврати-

⁵ Фильштинский И.М. История арабской лит-ры. V – начало X в. – М.: Наука. – 1985. – С. 369-370.

⁶ Банмов Р. Н. Великие лики и литературные памятники Востока. – Уфа: Гилем. – 2005. – С. 374-375.

лись в дальнейшем в классический образец тюркоязычной литературы раннего Средневековья.

Как и «Кутадгу билиг» Ю. Баласагунского, так и последующая тюркоязычная поэзия по наречению И. В. Стеблевой, представляла «сложный эстетико-литературный комплекс»¹, в котором выразилась литературная мысль и древнетюркского, и арабо-персидского происхождения в сочетании с народной мудростью, почерпнутой из устно-поэтического творчества тюркских народов. Таким образом, самобытный тюркский стих под влиянием арабо-персидской поэтики трансформировался, больше отошел от исконно народного стиха, продемонстрировав тем самым значительное изменение в литературной мысли средневекового тюркского автора.

Во третьем разделе речь идет о зарождении литературной мысли собственно башкир, воплощением чего выступает поэма о Юсуфе, сочиненная в первой четверти XIII века Кул Гали. Сведения о нем почти отсутствуют, если не считать традиционную концовку произведения, где указаны время и цель написания, изложены причины, побудившие к написанию данной киссы. В некоторых трудах, посвященных изучению этого выдающегося письменного памятника башкирской и татарской литературы, предполагается примерная дата рождения – не ранее 1144 г. Единственным фактологическим источником, содержащим ряд биографических сведений, является сочинение Т. Ялысула аль-Башкюрди «Тарих-намаи Булгар» (1805). Изучив древние рукописные исторические памятники, Т. Ялысул составил родословную, начинающуюся от мифического Адама, где 66-ым звеном в этой цепи указывается Кул Гали². Все сведения о жизненном пути Кул Гали, зафиксированные в рукописных списках поэмы, в какой-то мере проливают свет и на его литературную мысль, на её особенности и своеобразие.

В диссертации отмечается множественность и многовариантность рукописных и печатных списков «Кисса-и Юсуф» К. Гали. В начале и конце наиболее полного варианта произведения вырисовывается личность самого автора, его идейно-эстетические представления, его религиозно-мировоззренческая позиция³.

В начале автор рисует картину полного предопределения и полного покровительства Всевышнего над судьбой Юсуфа, то по мере возмужания и накопления жизненного опыта он становится более или менее самостоятельным, способным принимать собственные решения. Судя по тому, как оценивает свое произведение («самый прекрасный из повествований и мудрых ска-

¹ Стеблева И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. – М.: Наука. – 1976. – С. 168.

² Галляутдинов И. Г. «Тарих нама-и булгар» Т.Ялысулоула. – Уфа: Китап. 1990. – С. 158-159.

³ Гали К. Поэма о Юсуфе. – Уфа: Китап. – 1993. – 272 с. (на башк. яз.)

заний, самый приятный для слушаний без скуки»), Кул Гали имеет достаточные знания о поэтическом мастерстве и обладает навыками сравнения и сопоставления художественных достоинств письменных текстов. Он отлично понимает, что многим не дано сочинять назым, так как «их мысли слабы». Значит, по силе мысли или же по мудрости им определяется степень поэтического мастерства. Перед тем, как приступить к повествованию о судьбе Юсуфа, поэт обращается с мольбой к Всевышнему «озарить его разум и помыслы, дать добрые мысли, обогатить мудростью, зажечь в своем сердце огонь вдохновения, дать блеск ясного рассудка и разума, избавить его от заблуждений и скуки, открыть врата благонравия, дать здравый ум и, самое главное, одарить его силой духа и красноречием, умением изящного слога». Именно эти качества, по представлению Кул Гали, необходимы для реализации творческого замысла поэта: рассказать в стихотворной форме о жизненных перипетиях пророка Юсуфа, как в итоге жизненных испытаний он стал великим царем Египта. Акт непосредственного творения обозначается автором образно – «хикмэттэргэ кусеу» (букв. перейти к мудростям), а само действие – образными средствами языка: «рассыпало розы и базилики, жемчуга и кораллы».

Художественные достоинства «Кисса-и Юсуф» свидетельствуют об истинном таланте творца. Используя всемирно распространенный библиокоранический сюжет, на основе которого к тому времени было создано немало произведений, К. Гали умело избегал повторения арабских и персидских авторов, хотя в тексте указывает, что «сочинял по арабским и персидским преданиям», точнее, пользовался произведением «Анис ал-мюридин» А. Ансари⁴, дабы было «легко для чтения и слушания». Обращаясь к жанру «кысса» и сочиняя в её рамках, он соблюдает литературный канон, диктуемый арабо-персидской поэтикой. На это указывают особенности стихотворно-композиционного строя, образы из мусульманской мифологии, острый приключенческий сюжет с любовной интригой и т.д.

В то же время правдивость искусно воспроизведенных жизненных ситуаций, естественность переживаний и поведений героев, реалистичность свойственных человеку страстей, драматичность и непредсказуемость человеческих взаимоотношений показывают, что в произведении как бы воплощены и традиции, идущие от древнетюркской литературы. Это видно по проблематике произведения: как и в классических тюркских памятниках, главной проблемой всегда является справедливое и умное правление во имя благоденствия народа. С третьей стороны, К. Гали умело пользуется и приемами и изобразительными средствами народного творчества, как вещий сон, сахарные числа, приемы превращения, эпическое время и т.д.

⁴ Хусанов Г. Б. Поэма «Кысса-и Юсуф» Кул Гали: проблематика, поэтика, язык произведения. //Поэма «Кысса-и Юсуф» Кул Гали. – Уфа, 1988. – С. 14.

Таким образом, литературная мысль К. Гали сформировалась под влиянием арабо-персидских литературных канонов, но при этом, как отмечает Н.Ш. Хисамов¹, сохраняет верность и тюркским письменным и фольклорным традициям творчества. На их основе Кул Гали сам выступает зачинателем новых поэтических традиций, с любовью воспринятых многими поколениями поэтов, писателей, драматургов. Начиная с XIV века почти все мастера пера, оставившие след в башкирской и татарской литературах, как С. Саран, Кутб, Хорезми, Х. Кятиб, М. Гали, М. Кулуя, Г. Усман, М. Акмулла, М. Уметбаев, Р. Фахретдинов и др., так или иначе испытали влияние литературной мысли К. Гали. Надо отметить и другую традицию, начинавшуюся еще с XI века в произведениях Югнаки, К. Гали и связанную с особенностями письменного языка их поэм. Под влиянием арабского и персидского языков письменный тюркский язык превратился в некий сплав из древнетюркских и отдельных тюркских, арабских и персидских слов. Как общепринятая письменная литературная норма она просуществовала почти до первой четверти XX века, не испытав особых изменений.

В раннем средневековье литературная мысль башкир представлена лишь отдельными произведениями, отчасти, «Кисса-и Юсуф» К. Гали. В диссертации указываются на объективно-исторические обстоятельства, вследствие которых подверглись разрушению и упадку культурные центры тюркских государств Евразии. Период правления чингизидов оказался крайне неблагоприятным для развития, по утверждению ученых, почти всех тюркских литератур². Лишь во второй половине XVI века в разных уголках Золотой Орды стали вновь возрождаться очаги культуры. Выросло новое поколение поэтов-гуманистов, как С. Саран, Кутб, Хорезми, Х. Кятиб, М. Гали и т.д., своим творчеством способствующих тюркскому Возрождению.

С другой стороны, надо признать, что письменная литература этого периода своей тематикой и идейно-эстетическим содержанием стояла далеко от общенародных интересов. Социозначимые смыслы, судьбоносные моменты народной жизни нашли образное выражение именно в устной народной поэзии. Наиболее значительные произведения башкирского фольклора были созданы на переломных этапах этнической и социальной жизни народа, в периоды подъема национально-освободительного движения; в годы больших социальных потрясений роль фольклора резко повышалась. Думы и чаяния, мечты о лучшей жизни, патристические чувства народных масс во времена татаро-монгольского ига, в годы антиколониальных восстаний против царского самодержавия наиболее полно отразились именно в народном творчестве. Особое значение имела школа индивидуального словесного мастерства,

¹ Хисамов Н.Ш. Поэма «Кысса-и Юсуф» Кул Али: анализ источников сюжета и авторского творчества. – М.: Наука, 1979. – С. 186.

² Кор-Оглы Х. Г. Узбекская литература. – М.: Высшая шк. – 1968. – С. 31.

благодаря которой образовался отдельный пласт словесного искусства башкир – изустная литература, вобравшая в себя творения йырау и сэсэнов. Социозначимость их творческих достижений сделала сэсэнов не только популярными, но и значительно поднимала их социальный статус в обществе. Сэсэны фактически выполняли миссию степных послов, дипломатов, арбитров в междоусобицах; в спорах зачастую за ними было последнее решающее слово. В литературном процессе золотоордынского времени и после добровольного присоединения Башкиростана к Российскому государству значительно возрос удельный вес как устно-поэтического творчества башкирского народа, так и изустной литературы. В период подъема народно-освободительного движения в XVII – XVIII вв. заметно усилилась роль публицистики, большая часть которой представляет подлинные исторические документы своего времени¹.

Будучи идейными вдохновителями и руководителями восстаний, их авторы – Батырша, Салават Юлаев – проявили себя искусными мастерами слова. Использование традиционных поэтических приемов повествования и изобразительных средств языка в письмах, воззваниях, жалобах, заявлениях, посланиях, в родословных, таварихах повышало их эмоциональное воздействие и придавало эпическое звучание. Творческая мысль создателей текстов в форме историко-функциональных жанров носила синкретичный характер. Они владели литературными приемами и способами художественного выражения, соответствующим стилем повествования социально важных для своего времени смыслов, поэтому данные произведения считаются также источниками для изучения философской, политической, исторической, социально-правовой, морально-этической мысли башкирского народа.

И устное народное творчество, и изустная литература, как неотъемлемый с седой древности элемент духовной культуры башкир, сохранили свое место и значение в культурном и литературном процессе до XX века.

В третьей главе диссертации исследуются особенности литературной мысли в конце XVIII – XIX веков в свете идейно-эстетических воззрений, оказавших в этот период существенное влияние на формирование их творческих взглядов и представлений о литературе.

В первом разделе речь идет об истоках формирования и особенностях литературной мысли Г. Усмана, Т. Ялыгула, А. Каргалы, в чьих произведениях успешно продолжают средневековые традиции арабо-персидской поэтики и суфийской поэзии. Общеизвестно, что в становлении литературной мысли тюркских поэтов Средневековья огромную роль сыграл ислам в разных его идейных направлениях. Еще в середине VIII века в исламе возникло мистико-аскетическое течение, получившее название «суфизм». Гносеологические корни суфизма в какой-то мере восходят к древним воззрени-

¹ Амиров Р. К. Летопись современности. – Уфа: БКИ. – 1985. – С. 21.

ям – зороастризму, манихейству, буддизму и т.д. О причинах возникновения тасаууфа, о формировании суфийских общин и суфийской науки написано и пишется много, и нет необходимости их повторять. В суфийском учении изначально душа и мысли верующего человека выступали главным объектом глубочайшего анализа и описания их поэтическими средствами. Так родилась литература, проповедующая и воспевающая идеи суфизма, с его идеализацией силы и могущества человеческого духа, способного самосовершенствоваться по пути к богу. Творчество арабских суфийских мыслителей и поэтов аль-Гадави, Басри, Бистами, Аттар и др. идейно вдохновило персидских поэтов XI - XV вв. Ансари, Низами, Руми, Саади, Хафиз, Джами и др., гением которых была создана классика суфийской поэзии.

В начале X века и в Средней Азии начали образовываться общины, братства, школы, где проповедовался и практиковался суфизм. Одним из их основателей считается суфий А. Йасави, с именем которого связано рождение суфийской лирики на тюрки. Теоретические взгляды и суфийские обряды его школы были возрождены в XIV веке Бахаутдином Накшбанди (1318-1389). Начиная с XV в. накшбандийское течение постепенно превратилось в самое распространенное в мире духовное братство, функционировавшее и в Урало-Поволжье¹.

Популяризация тасаууфа как своеобразной идеологии среди образованных башкир и татар шла, во-первых, через письменные источники: через труды арабских философов-суфиев, через персидскую суфийскую поэзию, через собственно тюркские сочинения среднеазиатских поэтов-суфиев XI в. А. Йасави, С. Бакиргани, Аллаяра суфия (XVII в.). Их творческие идеи и образы были подхвачены в свое время УммуКамалом (XV в.), Мавли Кулумом (XVII в.). Во-вторых, суфийское движение в Урало-Поволжье было привнесено конкретными лицами, как отдельными миссионерами-проповедниками из арабских стран, так и выходцами из местных шакирдов, но как образ жизни оно не нашло широкого распространения.

Многих, кто отправлялся за истинными знаниями в Бухару, ждало глубокое разочарование. Некоторые из них, как, например, Г. Курсави (1776-1812), десятилетиями позже Низаметдин Илхамия (1823-1856), попав в косную фанатично настроенную религиозную среду, включались в борьбу против безоговорочной слепой веры в авторитет богословов прошлого, за право свободомыслия. В диссертации отмечается их роль в формировании мировоззрения и творческой мысли многих башкирских поэтов и ученых вплоть до начала XX века.

Жизненные пути исследуемых в первом разделе поэтов Г. Усмана (1752-1836), Т. Ялсыгула (1767-1838), А. Каргалы (1782-1833) во многом схожи.

¹ Акимускин О. Ф. Накшбандийа // Ислам: энц. сл. – М.: Наука, 1991. – С. 187.

В поисках истины и знаний они покинули родные края, обошли почти весь мусульманский мир, побывали в десятках городов, встречались с именитыми учеными своего времени, возвратились на родину, занимались поэтическим творчеством. И творческое наследие в какой-то мере у них имело общие черты: автобиографичность, традиционность, приверженность к религиозной дидактике, и в жанрово-стилевом отношении, в подборе языковых средств и тематики.

В представлениях Г. Усмана, как и у Т. Ялсыгула, понятие «гилем» занимает центральное место. Самое важное для человека, по мнению Г. Усмана, это - овладение знаниями, ниспосланными свыше. В послесловии к поэме «Танзих ал-афкар фи насaih ал-ахйар» он воспевает мастерство красноречия, умения работы со словом, имея в виду передачу тончайших нюансов значений. Не ускользают от его внимания требования стилистики, диктуемой арабо-персидской поэтикой. Он постоянно напоминает читателю, что его поэтические строки написаны в стиле «фасахат», т.е. характеризуются изящностью слога.

В то же время Г. Усман старается не упускать из виду реального читателя с тем, чтобы ему был понятен и доступен изложенный в тексте смысл. В поэме «Таварих аз-заман» он ведет речь об опасности искаженного понимания написанного, в результате чего вместо истинных знаний человек может приобрести совершенно противоположное, уводящее его во тьму ошибок и жизненных заблуждений. Надо сказать, что в течение творческой деятельности поэт-мыслитель занимался этой проблемой, сочиняя комментарии популярным тогда среди народа произведениям «Мурад ал-гарифию», «Субат ал-гажизин» Алляра Суфи, «Ихйа ал-гулум» М. Газали и др., составил словники и пояснения к трудам известных богословов по вопросам ислама, суфизма, религиозной морали и этике. Как хороший переводчик с арабского и персидского языков, умелый текстолог, отличный художественный редактор Г. Усман демонстрировал не просто свой поэтический дар, но и дар ученого. Таким образом, его литературная мысль была тесно переплетена с литературоведческой мыслью, а его литературное творчество служило целям назидания и воспитания масс в духе стремления к овладению знаниями, заключавшимися в шаригате и тарикате.

Так же, как и Г. Усман, будущий поэт и ученый Т. Ялсыгул по воле отца еще в юношеском возрасте попал в Турцию, изучая науки, провел там несколько лет, по возвращении занимался обучением детей, вел лечебную практику. Помимо этого он занимался науками, популяризацией знаний по различным отраслям, таким как медицина, этика, юриспруденция, педагогика и т.д., им написаны около пятнадцати комментариев на известные тогда труды восточных авторов. В своем «Тарих - намай Булгарийа» Т. Ялсыгул выступил как историк, владеющий некоторой методикой источниковедческой работы и имеющий навыки сравнительного изучения различных руко-

писных источников, сочетая их с образцами народного творчества, шэжэре и другими документами.

Особенности его литературной мысли просматриваются в произведении «Рисалаи Газиза», написанном как расширенный полупрозаический-полустихотворный шарх к «Субат ал-гажизин» Аллаяра, активного проповедника суфийских идей. «Рисалаи Газиза» пользовалась успехом у читающего населения, во II половине XIX века издавалась десятки раз многотысячными тиражами, одновременно распространяясь и в рукописных списках. Всё это свидетельствует о достаточном художественно-эстетическом вкусе Т. Ялсыгула и о его знаниях традиционной поэтики, о его хорошей практике литературного труда.

Творческая мысль одного из видных поэтов начала XIX века А. Каргалы полнее отражается в его автобиографическом произведении «Таржеман хажи Абульманих...» При более подробном анализе выявляется, что А. Каргалы более профессионально подходит к сюжетно-композиционной организации своего произведения. Кажущаяся аморфность композиции «Таржеман...» на самом деле оказывается продуманной поэтической структурой из десяти частей, соединенных между собой общей идеей. Поэт, отказавшись от традиционного зачина с восхвалением Всевышнему, приступает сразу к изложению истории встречи легендарной Рабиги Гадавния с Басри, что делает повествование более динамичным и интригующим. Раскрывая через разговоры двух знаменитых суфиев века суть богатства, автор переходит к критике современного ему общества, где царят деньги и золото.

По мнению поэта, недостатки общества, где много обездоленных и несчастных, вызываются несоблюдением религиозных предписаний, испорченностью нравов. Самосовершенствование своего духа на примере легендарных суфиев, строгое соблюдение шариатских норм как обязательной ступени к хакикат, просвещение – вот главные пути достижения гармоничной жизни общества. В поэме воспеваются реальная личность египетского правителя М. Али (1769-1849), своими прогрессивными преобразованиями оставившего след в истории и т.д. Абульманиху введома сила поэтического слова, он смело бросает вызов знакомым богачам, разоблачая их жадность, безнравственность.

Сохранившиеся стихи поэта о природе, о земной любви свидетельствуют, что поэт умело пользуется различными жанрово-стилистическими приёмами для создания поэтических образов. Интересен в этом отношении цикл коротких стихов, в некоторых из названий, и жанровым обозначением одновременно выступает то или иное душевное состояние человека: латифа – шутка, тасля – успокоение, танбих – предупреждение, ташаккор – благодаренье и т.д.

Судя по творениям Г. Усмана, Т. Ялсыгула, А. Каргалы, литературная мысль этого периода еще не созрела для выражения значимых для народа

художественных обобщений. В ней преобладают идеи и образы, характерные для всей мусульманской культуры, хотя в какой-то мере ощущается практическое осмысление действительности, отчасти нравы в бухарских медресе, жадность богачей в Каргалах и т.д. Знания, полученные в центрах мусульманского образования Средней Азии, Турции, наложили отпечаток на их творчество.

Во втором разделе исследуются литературные взгляды Ш. Заки (1822-1865) и Х. Салихова (1794-1867), известных поэтов своего времени. Их мировоззрение, идейно-просветительские взгляды сформировались в местных медресе, где обучение велось по традиционной программе согласно установленным издавна порядкам. Слепой от рождения Ш. Заки, воспринимая всё на слух, освоил, помимо религиозных, обширные знания по астрономии, арифметике, философии, логике, основательность которых в свое время поразило, по утверждениям односельчан, даже профессора Казанского университета А. Казымбека. Благодаря исключительной памяти и природным способностям, Ш. Заки запомнил огромное количество стихов, целые произведения, такие как «Бустан» Саади, «Шахнаме» Фирдоуси, стихи А. Йасаи, С. Бакыргани и т.д. Усвоив тексты художественных произведений, он удерживал в памяти их жанрово-стилевое оформление, поэтические образы и языковые средства художественного изображения. Он в совершенстве овладел классическим письменным языком турки; свободно сочинял на арабском, персидском. Его открытая натура, острый меткий язык, страстность выступлений, глубокие знания привлекали многих. По источникам известно, что сотни шакирдов со всех уголков Башкортостана собирались в медресе Ш. Заки и устранились со своими юртами в его дворе, чтобы слушать и учиться у него.

Ш. Заки в своих устных выступлениях, импровизациях сумел сохранить особенности языка и стилистику письменных произведений, искусно пользуясь при этом образными средствами башкирского устно-поэтического творчества. Поэзия Ш. Заки целиком и полностью соткана из суфийских мотивов и является воплощением идеологии тасаввуфа в понимании башкирских суфиев. Чтобы полнее и точнее описать суфийскую любовь к Всевышнему, поэт использует традиционные, устоявшиеся в суфийской литературе образы – метаморфозы типа «мотылек – огонь», «знание – свет», «возлюбленная – меджнун» и т.д. Наряду с ними Ш. Заки создает абсолютно новые образы, которые несут отпечаток башкирского менталитета, башкирской действительности. Например, как образец самоотверженной, безгранично преданной любви – «стремена, целующие ноги бесконечной дороги», «волосы любимой, как цепи плоти», «масло сердца, кипящее в огне любви», «воды покаяния, смывающие грязь греха», «туча помилования, льющая дождь прощения», «утка и гусь, окунувшиеся в море знаний» и др. усиливают картинность, связь с реальностью. В своих стихотворениях Ш. Заки сумел передать

ощущение свободы человеческого духа (душа как вольнолюбивая птица - шункар), оптимизм и жизнелюбие. Им используются стилистические приемы, создающие эффект живого общения, риторические вопросы, приемы обращения «Встань, проснись!», «Надобно учиться!» и т.д.

Жить полноценной жизнью и радоваться жизни – этот призыв поэта не противоречит суфийской доктрине. По его мнению, суфийствование – прежде всего работа души, которая выражается в чистых помыслах и высокой нравственности человека, стремящегося к достижению истины. Он подвергает яростной критике лжесуфиев, использовавших этот путь ради удовлетворения плотских потребностей. «Ищущий истину кяфир лучше испорченного мусульманина», считал поэт. Литературная мысль Ш. Заки служила как бы для воспевания идей тасаууфа. При этом его незаурядные поэтические способности, философский склад ума, глубокие знания языков придали его поэзии более объемное звучание и многослойные смысловые значения.

Идейно-эстетические принципы творчества Х. Салихова тоже сложились под огромным влиянием идеологии тасаууфа, что нашло непосредственное выражение в его поэзии. Как личность, как поэт он сформировался под впечатлением «Маснави» Д. Руми, «Ихья ал-гулум» М. Газали, был знаком с «Шахнаме» Фирдоуси, медицинскими трактатами Ибн Сины и др. Практическое усвоение понятийного арсенала и знание жанрово-стилевых особенностей суфийской лирики позволили поэту сочинять произведения, которые со временем становились как бы классикой литературы тасаууф на урало-поволжском тюрки. Как утверждает А. Харисов, написанное в форме назира к распространной «Бакырган китабы», небольшое по объему стихотворение «Душа в теле» стало фактически своеобразным гимном суфиев не только в Урало-Поволжье, но даже в Средней Азии¹.

Представления Х. Салихова о литературе, о роли и функциях поэтического слова наиболее полно воплотились в его книге «Маджмаг ал-адаб» (1839). В отличие от средневековых арабских ученых, рассматривающих «адаб» как «высокообразованность, окультуренность», Х. Салихов считает, что «адаб – это тасаууф». Согласно такой трактовке «адаба», в произведении поэтическими средствами излагаются основные идеи тасаууф и методика воспитания мюридов в этом духе. При этом поэт не увлекается голым дидактизмом, проповедью, морализаторством. Воспитательные призывы и назидания он обрамляет аятами из Корана, хадисами, поучительными притчами, заимствованными у других авторов - М. Газали, Аллаяра суфи. Для него один из авторитетнейших источников – «Маснави» Д. Руми. Изобличая человеческую глупость, как один из самых страшных пороков, он обращается к притче из второй части «Маснави» - «Всадник и путник» и, используя сюжетную кан

¹ Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа. – Уфа: БКИ, 1973. - С. 252.

ву, пишет назигу «Два дурака». Действие змеи, на котором строится сюжетный ряд обеих притч, в конце поэтом переводится на реальную плоскость: правителя, современники поэта, как змеи.

Царящие в обществе зло и социальная несправедливость – вот что волнует поэта. Их причина, по его мнению, кроется в падении нравов, отсутствии знаний, в невежестве одних, в корысти и обмане других. Две главные противоположности в обществе «салим – мазлум» (угнетающий и угнетенный) олицетворяют зло и добро. Образно описывая злобные действия салимов – начальников всех мастей, их пренебрежительное отношение к народу, поэт отсмеживается от них, считая себя одним из притесненных, частицей простого люда.

Мастерство Х. Салихова как поэта видно по создаваемым им художественным образам, по умению показать внутренний мир человека. Его герой предстает как социальный тип с высокой нравственностью, способной на реальные поступки во имя остальных, а носители порочных черт и деяний изображаются в сатирическом плане. Корень зла и несправедливостей современного им общества, по мнению поэта, кроется в падении нравов, в жестокости, алчности, лицемерии имущих и их равнодушии к бедам народа.

Самым действенным средством гармонизации общественных порядков, Х. Салихов считает улучшение нравов, т.е. воспитание адаба. Как он утверждает, что тасаууф – это и есть адаб, ибо только в нём предусматривается достижение состояния духовно-нравственного совершенства. Чтобы стать «совершенным» (инсан ал-камил), человек обязан пройти через шарият, таркият и магрифат с помощью Учителя. В диссертации анализируются взгляды Х. Салихова по вопросам взаимоотношений между мюридом и наставником, к чьей личности предъявляются особые требования. Отвергая всяческое насилие над воспитуемым, грубость и лицемерие по отношению к нему, Х. Салихов ратует за признание духовного равенства всех людей, за уважение к человеческому достоинству.

Путь к нравственному совершенству труден, ибо человек должен побороть порочные качества, заключенные в нем самом. Согласно канонам суфийской поэзии, этот процесс описывается Х. Салиховым в индизобразительной форме. Как в сказке, идущего по дороге путника поджидают разъяренная нечисть, хищники. На самом деле они представляют символы злых начал в человеке: медведь – высокомерие, тигр – злобность, лев – зависть, барс – жадность, дракон – дурная страсть, волк – хищничество, пресмыкающийся – похоть. Преодолевая их, человек становится свободным, независимым, сильным духом.

Х. Салихов тасаууф считает итогом, результатом любви. Судя по его поэтическим строкам, под любовью подразумевается не только безграничная вера и преклонение перед Аллахом, но и предполагается любовь к ближнему, любовь к знаниям, любовь к жизни. Воспитание любовью и убеждение

«жан суз» – душевным словом – вот основа его дидактических установок. Поэт подразделяет слова на две группы. Слова, касающиеся веры, религии, ислама, не должны ни в коем случае искажаться, употребляться для произнесения лжи, клеветы, обмана и т.д. Остальные же слова им делятся по характеру воздействия на человека – на грубые и добрые (каты – йомшак). Искренность, высказанные от души добрые слова автор сравнивает со спасительным кором – арканом, удерживающим человека на краю пропасти.

В «Рисала ад-дохан», написанной как продолжение «Маджмаг ал-адаб» Х. Салихов излагает требования к поэтическому слову, вводя образ «Суз эйзе» (букв. обладатель слова). Обладание словом, степень поэтического мастерства, по мнению Х. Салихова, определяются именно силой воздействия на слушателя, который должен быть очарован, вдохновлен, «зажжен» услышанным. Слово, высказанное его обладателем, должно быть и изящным, чарующим, нежным и добрым, впечатляющим. Х. Салихов демонстрирует не только понимание, но умение работы со словом, прибегая к разнообразным жанрово-стилистическим приемам, таким как риторические обращения, диалоги, прямая речь, повторы, художественные вставки, пословицы, поговорки, фразеологические обороты и т.д.

В структурно-композиционном и языковом плане произведения Х. Салихова являются воплощением традиционных поэтических норм. Например, его рисала, как и произведения Г. Усмана, не имеет единого сюжета и представляет собой свод дидактических наставлений и назиданий. Его насихаты, марсии и другие лирические произведения по жанрово-стилевым признакам хотя и оставались в рамках средневековых письменных традиций, но в их идейно-тематическом содержании появились новые социозначимые черты, отвечающие духу своего времени.

Необходимость знаний, необходимость более глубокого осмысления окружающей среды диктовались самой жизнью. В этот период появилось книгопечатание на арабской графике, выросла интенсивность межнационального общения, появилась возможность получить высшее образование в учебных заведениях европейского типа. Всё это в какой-то мере сказалось в формировании идейно-эстетических взглядов поэтов этого периода. Тем не менее в их творчестве не нашли отражения картины реальной жизни башкирского народа. Исторические события, например 1812 года, положение народа в кантонный период управления и т.п. нашли художественное выражение в народном творчестве на народно-разговорном языке в форме песен, бантов, легенд. В это же время наблюдается сужение функций сэзнов, они выступают в большей части как исполнители, сохраняющие и передающие фольклорное богатство. Устное поэтическое творчество сохраняет свой синкретичный характер. В этот период, благодаря возможностям печатного дела и русской интеллигенции, делаются попытки «олитературить» образцы башкирского

фольклора, приводя в письменный вид, появляются их версии на русском языке. Все эти факторы способствовали появлению новых тенденций на путях к подлинному просветительству, что повлияло на характер литературной мысли этого периода.

В четвертой главе диссертации исследуются особенности литературной мысли поэтов и писателей второй половины XIX века Г. Соколя, М. Акмулы.

Первый раздел посвящен обзору и анализу факторов, так или иначе оказывающих влияние на состояние литературной среды в указанный период: социально-историческая обстановка в Башкортостане, развитие в крае сети национальных учебных заведений.

Падение крепостного права внесло много изменений в культурную жизнь России. Многие ждали демократических перемен, улучшения жизни народа. Прогрессивная общественность активно включилась в решение вопросов просвещения, в первую очередь, народного образования.

Упразднение кантонной системы управления в Башкортостане (1865 г.), заметно демократизировало общественно-политические условия в крае. Богатые ресурсами недра, обилие плодородной земли, открытость башкирского общества притягивали промышленников, помещиков, к тому же царское правительство всячески содействовало массовому переселению безземельных крестьян из центральных губерний России. Всё это в некоторой степени способствовало укреплению дружбы и сотрудничества между соседствующими народами, усилению межкультурного обмена, проникновению демократических идей просветительства в европейском понимании. Школьная политика, проводимая царизмом в Уфимской и Оренбургской губерниях, где проживало большинство башкир, была более жесткой по известным историческим причинам. Вместе с расширением сети государственных школ, постоянно велась попытка тотального контроля над национальными учебными заведениями. Предусматривалось обязательное открытие в медресе классов с русским языком обучения, преподавание «закона божьего», предполагалось установить образовательный ценз для лиц, желающих занять духовные и светские должности, в объеме учебного курса русских классов или русско-башкирских, русско-татарских классов. Как пишет исследователь народного образования в Башкирии в 60-90-х годах М. Н. Фархшатов, «одна из главных задач новообразованной в 80-е годы школьной администрации в Башкирии состояла в усилении «христианизаторско-цивилизаторской»¹ роли правительства среди местных народов». Царская политика проявилась, прежде всего, в сокращении подготовки кадров из башкир, в отмене предусмотрен

¹ Фархшатов М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период в 60-90 гг. XIX в. – М.: Наука, 1994. – С. 168

ных в кантонный период вакантных мест в учебных заведениях России, в перепрофилировании Неплюевского кадетского корпуса, в закрытии и переводе школ в русские селения и т.п.

С 80-х годов XIX века в политике царского правительства в отношении башкирских и татарских школ произошли существенные изменения, суть которых заключалась в том, что прекратились гонения, неусыпный контроль за содержанием и проведением учебного процесса. Были закрыты уже существующие русские классы, когда стали замечать у башкир расширение кругозора, тягу к передовой русской культуре и т.д. Царское правительство безоговорочно признало право мусульманского духовенства на обучение башкир, татар и провозгласило поддержку конфессиональных школ, ибо «наука в них религиозно-схоластическая, не имеющая ничего политического». Царские чиновники Министерства просвещения тем не менее предпринимали разные запретительные меры, например, издали в 1892 году циркуляр об изъятии из мектебов и медресе рукописных книг и запрещении заниматься преподавательской деятельностью муллам, получившим образование за рубежом.

В конце 80-х годов, когда развернулась в регионе борьба между джадидистскими и кадимистскими учебными заведениями, царское правительство полностью поддержало последних, потому что джадидистские (новометодные) мектебе «очищенные в значительной степени от влияния ортодоксального ислама, становились важным фактором развития этнического самосознания местных народов, ускоряли формирование национальных литератур»¹. Таким образом, национальные учебные заведения – мектебе и медресе, как и в предыдущие времена, оставались единственным очагом приобщения большинства башкир к знаниям, где формировались в том числе их творческие взгляды и приобретались навыки литературного труда.

В диссертации приводятся данные о количестве и динамике развития в Башкортостане мектебе и медресе, оставивших след в истории просвещения народа.

Среди них особое место занимает Стерлибашевское медресе, снискавшее заслуженную славу прогрессивного учебного заведения. Все башкирские поэты XIX века так или иначе были связаны с данным медресе. В жизнедеятельности и поэтическом творчестве одного из его выпускников Г. Сокороя (1826-1889) отражаются все те тенденции развития, характерные в целом для литературной мысли большинства авторов второй половины XIX века.

Г. Сокорой оставил после себя довольно большой объем поэтического наследия, по которому можно безошибочно судить об особенностях творческих взглядов поэта. Он, безусловно, обладал даром сочинительства, хо

¹ Там же. – С. 230.

рошо знал нормы арабо-персидской поэтики, строфику и систему рифмовки тюркского стиха. Его творчество охватывает почти все жанровые формы, имеющие хождение в литературном процессе того времени: марсия, махия, шарх, назир, васыят, мунажат и др. Широко известное произведение «Субат ал-гажизин» Аллаяра суфи, воспринятое поэтом в качестве руководства по литературному творчеству, вдохновило его на написание множества стихов суфийского толка. В большинстве из них мало той символичности, метафоричности, т.е. образности, характерной для подлинной суфийской лирики, что сказалось на художественных достоинствах его творений. Вместе с тем в его поэзии становится больше мотивов, связанных с башкирской действительностью тех лет. Героем его махвов – славословий выступают как реальная личность, например, поэт Ш. Заки, так и славные города Казань, Уфа и т.д. Его стихи о природе, временах года, равно как и другие сборники религиозно-мистического содержания, неоднократно печатались в Казани. Встреча с издателями, редактором, замечания отдельных ученых, например, известного татарского просветителя К. Насыри насчет языка произведений, во многом обогатили его представления о поэтическом труде.

Расширению его кругозора и миропонимания способствовали также его неоднократные поездки в хадж, впечатления от которых им были изложены в хаджنامه «Насим ас-саба». По его мнению, «истинному мулле необходимо изучать не только мусульманское законоведение, но и светские науки вроде географии и астрономии. Служитель религии должен стремиться познать все и всегда быть готовым отвечать на любые вопросы своих сородичей»². Судя по написанным им трудам, Г. Сокорой отдавал предпочтение прежде всего историческим знаниям, которые больше просвещают массы о смысле жизни и человеческих деяний. К пониманию поэтом важности исторического сознания, возможно, подтолкнули его дорожные впечатления по пути в хадж, где его пронизывали чувства гордости и причастности к огромной России.

Начав с изложения житей-бытия своей семьи, он составил стихотворные шежере о своем роде, затем о башкирском племени иракте, затем перешел к исследованию истории государства Булгар. Его «Таварихи Булгарийа», подобно сочинениям предшественников, в целом основано на мифах, легендах и преданиях, и, с одной стороны, предстает как занимательное литературное произведение. С другой стороны, произведение представляет историко-функциональный жанр «таварих», которое своим содержанием больше тяготеет к историческому сочинению. Автор напоминает скорее историка-ученого, нежели поэта. Как пишет М. Х. Надыргулов, Г. Сокорой, в отличие от многих, «не воспринимает содержание ранних источников за вечную ис

² Сокорой Г. Саят лампы. – Уфа: Китап, 1995. – С. 63 (на баш. яз).

тину и догму... позволяет себе делать «самомышление», пытается критиковать отдельные положения и сведения тавариха Х. Муслими»¹.

По содержанию последней части «Таварихи Булгарийа» видно, что Г. Сожорой глубоко интересовался литературной жизнью региона, собирал сведения о жизни и творчестве поэтов и ученых, переписывал и по-своему оценивал их достоинства, выступая в некотором роде в роли литературоведа. Самый поздний рукописный труд «Таварихи Булгарийа», таким образом, демонстрирует реальные изменения в литературной мысли поэта, произошедших в течение последних трех десятков лет под воздействием общественных и жизненных обстоятельств. Вкратце их можно обозначить как путь поэта-суфия к стезе адипа, т.е. ученого-историка.

Характерна ли такая трансформация для остальных творцов, если не изменилась среда, в которой продолжались зарождаться и формироваться литературная мысль будущих поэтов и писателей? И во второй половине XIX века высшие национальные учебные заведения – медресе оставались центрами культурной, в том числе и литературной, жизни. Продолжалась ли в них прежние традиции обучения и воспитания, изменилось ли содержание учебных программ, какой идеологии отдавалось предпочтение? Чтобы ответить на данные вопросы, в диссертации рассматривается деятельность Троицкого медресе, тесно связанного и идейными, и личностными узами с вышерассмотренным Стерлибашевским учебным заведением.

О Зайнулле Расулеве (1833-1917), основавшем в 1884 году медресе «Расулия» написано немало. Среди них особое внимание заслуживают очерк академика Г. Б. Хусанова, исследование американского ученого Х. Алгар, где подробно анализируются идейно-эстетические истоки формирования мировоззрения З. Расули как ученого и мыслителя, просветителя и педагога². После окончания Троицкого медресе он совершил хадж, во время чего стал мюридом стамбульского хазрета Кумушханаун и получил разрешение на обучение тарикату накшбандийа.

В накшбандийа отвергалась показная набожность и обрядность; для суфия, идущего по этому тарикат главными считались духовная чистота, отказ от стяжательства, добровольная бедность, правильное отношение к власти имущим. Если во времена самого Накшбанда был наложен строгий запрет на контакт с властями, то к XIX веку такой контакт считался обязательным, чтобы, «завоевав их души», влиять на их политику в отно

¹ Надергулов М. Х. Историко-функциональные жанры башкирской литературы. – Уфа: Китап, 2002. – С. 149.

² Хусанов Г. Б. Шейх Зайнулла хазрет // Соч. в 3 т., т. 1. – Уфа: Китап, 1998. С. 506–526 (на башк. яз.); Алгар Х. Шейх Зайнулла Расулев – последний великий шейх суфийского братства Накшбандийа в Волго-Уральском регионе. // Ватандаш. – 1998. – № 9. – С. 123–138.

шении народных масс. Самым важным в накшбандийа было то, что основная миссия очищения от скверны и достижения духовного совершенства налагалась на самого человека, избравшего этот путь, а учитель лишь помогал ему в трудных самоиспытаниях находить опору в силе своего духа. Человек как был волен избрать или не избрать этот путь суфия, так он был свободен в помыслах, размышлениях. Такое состояние, допущенное в накшбандийа, академик В. М. Жирмунский сравнивает с западноевропейским «вольнодумством»³.

Так или иначе, приверженность З. Расули к накшбандийа не изменилась и после десятилетней ссылки в Вологодскую губернию, куда он был отправлен по распоряжению властей, опасавшихся его чрезвычайной популярности в народе. Вскоре медресе «Расулия» завоевало славу не столько как суфийский центр накшбандийа, а сколько как прогрессивное учебное заведение, отвечающее всем требованиям со стороны царского правительства. Помимо предметов религиозного цикла, суфийских радений для самых одаренных, там преподавались и история России, русский и классические восточные языки, арифметика, астрономия, география, право, медицина, музыка, изобразительное искусство и т.д. З. Расули постоянно заботился о преподавательских кадрах, отправляя их в Крым, Казань обучаться новым методам преподавания, занимался просветительством и распространением знаний среди населения, писал обращения, книги.

В медресе установилась традиция проведения публичных собраний – меджлисов, куда собирались ученые почти со всех концов мусульманской России. Там обсуждалась даже текущая политика властей. Х. Алгар феномен ученого З. Расули видит в его умении «совмещать традиционное и современное», «строить мост над пропастью или рвом, разделявшим джадидистов и кадимистов». Он считает медресе «Расулия» основным центром обучения мусульман России, а французский ученый А. Бенингсен – «одним из лучших академических институтов в мусульманском мире вообще». Выдающийся ученый, академик В. Бартольд писал о том, что З. Расули без всякого сомнения – духовный король своего народа.

Влияние личности самого З. Расули и медресе «Расулия» на формирование идейно-эстетических воззрений в крае бесспорны. Благодаря им суфизм не исчез с поля зрения башкирских ученых, поэтов и писателей, и как идейное течение в некоторой степени сохранил свое влияние на них даже в начале XX века. Как пишет Г. Б. Хусанов, почти все известные писатели, философы и мыслители Урало-Поволжья, как М. Кулуй, Г. Курсави, Ш. Марджани, Г. Усман, Т. Ялсыгул, Ш. Заки, Х. Утяки, М. Акмул

³ Жирмунский В. М. Навон и проблема Ренессанса в литературах Востока // Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979. – С. 183.

ла, З. Расули, З. Камали и многие другие проповедовали и развивали идеи тасаууф¹.

Во втором разделе более подробно исследуются особенности формирования творческих взглядов и представлений о поэтическом труде выдающегося башкирского поэта-просветителя М. Акмуллы, так как его литературная мысль приобрела новые черты, на основе которых можно утверждать о состоявшем этапе становления башкирской литературной мысли.

Жизнь и творческое наследие Акмуллы исследованы в свое время казахскими, татарскими учеными, достаточно изучены башкирскими учеными А. Харисовым, Р. Шакуровым, А. Вильдановым и Г. Кунафиным². Тем не менее в биографии поэта остается немало белых пятен в плане уточнения конкретных дат, имеющих значение для анализа его творческой деятельности. В диссертации предпринимается уточнение дат и мест обучения, возвращения в родной дом и т.д., примерных дат написания отдельных произведений путем сопоставления научных трудов, собственных произведений автора, новых сведений, почерпнутых из публикаций краеведа Р. Насырова, академика Г. Б. Хусаинова.

Конкретизация биографических данных вкупе с текстологическим анализом позволили хронологически сгруппировать произведения и соотнести их с тем или иным периодом жизни Акмуллы. В свою очередь, это дало возможность в какой-то мере рассмотреть формирование его идейно-эстетических воззрений, в том числе и литературную мысль поэта в динамике. В основе жизненной позиции и взглядов на мир Акмуллы лежит его собственный житейский опыт, накопленный в годы скитаний по обширным степям. Живое созерцание каждодневного быта и образа жизни и бедняков, и богачей, и власть имущих, обширные знакомства и общение с разными типами людей разных сословий – именитыми учеными, поэтами, представителями высшего мусульманского духовенства и власти, издателями, знаменитыми казахскими акынами и др. давали реальные знания о действительности. Опора на них позволяет поэту делать философские обобщения о народе, о нации, о том или ином явлении жизни в поэтической форме, что воспринимается как афоризмы и пословицы. Обладая природным даром импровизации и располагая знаниями башкирского и казахского устно-поэтического творчества, Акмулла умело использует в своем творчестве их

¹ Хусаинов Г. Б. Духовный мир башкирского народа. – Уфа: Китап, 2003. – С. 428 (на башк. яз).

² Харисов А. И. М. Акмулла // Литературное наследие башкирского народа. – Уфа, 1973; Р. Шакур Звезда поэзии: М. Акмулла. – Уфа, 1981; Вильданов А. Х., Кунафин Г. С. Башкирские просветители-демократы XIX в. – М.: Наука, 1981. – С. 207-252; Вильданов А. Акмулла - певец света. – Уфа, 1981.

приемы и образные средства, жанровые формы, лексическое богатство народного разговорного языка.

В годы учебы в медресе Мифтахетдин усвоил классические языки литературы, изучил также произведения и труды многих ученых и мыслителей Востока, Урало-Поволжья, из которых особо выделяет Платона, Фараби, Газали, Навои, Г. Курсави, Марджани, З. Расули, Р. Фахретдинова и др. Он был особо привязан к поэзии Аллаяр суфи, всегда имел при себе его книги «Субат ал-гажизини», «Мурад ал-гарифини»³.

К идеям тасавуфа поэт относится уважительно, считая его истинным знанием, доступным настоящим ученым. Он полностью разделяет суфийское стремление к совершенству через всепоглощающую любовь. Совершенство для него означает прежде всего очищение духа, чистоту помыслов и стремлений, очищение от скверны стяжательства, лжи, жадности, корысти. Как пишет в стихотворении «Не ставешь бием...», показной набожностью, соблюдением лишь внешних атрибутов, хоть и проявлять усердие в обрядах, не стать настоящим суфием. Суфийство, по мнению поэта, это – качество души и состояния ума, которых можно достигнуть силой воли и усвоив знания, искоренив свое невежество. В ряде стихотворений Акулла как бы поэтически выражает те или иные положения накшбандийа, употребляя традиционную лексику суфийской лирики. При этом они, потеряв свою инносказательность и двусмысленность, а тексты стихов получают иное, светское звучание. Таким образом, поэт трансформирует суфийские символы в общеупотребительные понятия, которыми оперирует весь народ. Например, «магрифат» в суфизме означает особое знание, ниспосланные Всевышним, к которым стремится суфий. В произведениях «Обращение к друзьям», «К ученым-современникам», «Джититство – в просвещении» под «магрифат» поэт имеет в виду прежде всего светские знания, которые необходимы каждому человеку, чтобы благополучно устроить свою жизнь. Обращаясь к муллам, он упрекает их в лености ума, критикует беззаботность, бездуховность и невежество, неумение пользоваться словом.

Незнание сути слова (хуз мэлэн белмэзу) для Акуллы – прямой показатель невежества. В стихотворении «Разум», образно описывая связку «слово-ум», поэт подчеркивает, что человек должен быть хозяином и того и другого. Галим или мулла, к которым он себя причисляет, фактически работает со словом: читает проповеди, произносит назидания, обращения к верующим, обучает их и лечит словами. По тому, где и как, перед кем и в каких целях произносится, поэт различает множество видов слов – вовремя сказанное слово, плохое слово, быстрое, сладкое, изысканное, предательское, совершенное и т.д. Умение подбирать нужные слова, отказ от пустословия и

³ Вильданов А. Х. Кунафин Г. С. Башкирские писатели-демократы... С. 225.

лишних бессмысленных выражений, выразительное исполнение, умение выдерживать паузы – эти качества настоящего ученого = муллы.

Произведенный в диссертации текстовый анализ показывает, что Акмулла глубоко осмысливал процесс своей творческой работы. Если в более ранних произведениях, например, тюремного цикла он подписывался «мулла, галим», то в более поздних – шагир, т.е. поэт.

Процесс своего творения Акмулла часто обозначает как игру словами, при этом почти не разграничивает устное исполнение от письменной фиксации на бумаге. Очень часто то или иное стихотворение начинается с обращения «Слушайте», затем в тексте следует «написал карандашом». Цикл «Йырау» (Певец) написан в форме и стиле устно-поэтического творчества и предназначен как бы для слушания, при этом автор указывает на то, что «данная кисса написана». Смешение стилей не умаляет художественных достоинств произведения, наоборот, придает ей оригинальное поэтическое звучание. В поэзии Акмуллы таким образом органично и вполне естественно соединяются два вида словесного творчества. Устно-поэтическое творчество и письменная литература, сосуществовавшие в течение столетий несколько раздельно, впервые в творчестве Акмуллы образовали единый художественно-эстетический сплав, представивший поэтическое слово в новом качестве.

Акмулла осознает, что литературный текст должен подчиняться определенным эстетическим канонам. Например, в ходе айтышов казахским акынам Нургоч и Зинде заявляет, что у одного нет чувства меры, у другого – чувства возвышенности, нравственной ответственности. Нургоч акына Акмулла обвиняет в неуважении к образцам народного творчества, в намеренном сокращении и искажении текста казахских эпосов при подготовке к публикации.

В «Оде Ш. Марджани» Акмулла предстает как зрелый поэт-профессионал, вставший на защиту чести выдающегося ученого. Публичное поэтическое слово, будучи самым правдивым и потому самым грозным оружием в умелых руках, по мнению поэта, способно остановить любое мракобесие и попрание человеческого достоинства.

В понимании поэтом роли и функций поэтического слова произошел существенный сдвиг. В течение столетий литературная мысль, во-первых, являлась средством выражения всего спектра разнообразных мыслей (юридической, исторической, нравственной, этнической, социальной), сосуществующих в общественном сознании, во-вторых, служила целям передачи определенных знаний. Акмулла назначение поэтического слова видит в прямом воздействии на душу каждого, слово очищает её, освещает положительными эмоциями и жизнеутверждением. Одним словом, представления Акмуллы о поэтическом труде и смысле литературного творчества свидетельствуют о зрелости его литературной мысли.

Главное в том, что Акмулла достиг высочайшего уровня художественного обобщения, такого уровня социализации, которая возможна только при коллективном народном творчестве. Его произведения стали социозначимы как для башкирского, так и для татарского и казахского народов. Они в народном сознании выступают как самостоятельная художественная ценность.

Заключение диссертации содержит краткие выводы исследования. Осмысление реальной жизни, видение мира и выражения в художественной форме отношения к ним у башкир носило синкретический характер. Поэтическое творчество было тесно сплетено с другими способами художественного выражения. Выделение и письменная фиксация поэтического текста относится к древнетюркскому времени. Литературная мысль древних тюрков, лелеянная в устно-поэтической среде, в силу исторических обстоятельств не сумела сохранить свои позиции в дальнейшем.

Начиная примерно с X-XI веков, характер и содержание литературной мысли как выражение литературного сознания большинства тюркских поэтов изменились под влиянием арабо-мусульманской культуры, где поэтическому слову предназначалась просветительская роль: распространение знания, ниспосланного свыше, и воспитание адиба. Арабо-персидская поэтика, окончательно сформировавшись уже к XI-XII векам, канонизировала все способы и формы словесного выражения, тематику и жанровое их оформление, оставив творцу свободу лишь в образном воплощении своих идей. Таким образом, в течение столетий письменное творчество тюрков, исповадовавших ислам, в том числе и башкир, в большей части отражало общемусульманские ценности, к тому же обслуживало только образованную часть народа.

Большая же часть башкирского населения оставалась в стихии устно-поэтического творчества, посредством которого выражала свои думы и чаяния, при этом не испытывая влияния суфизма. Однажды услышанные поэтические тексты ими переделывались на устный манер, превращаясь в своеобразные легенды, сказки, поучительные истории-былички, банты, очень часто исполнялись как песни, мунажаты¹.

Лишь к середине XIX века появились новые тенденции в творчестве отдельных поэтов. Они проявляли интерес к реальной жизни народа, критиковали пороки современного им общества, поднимали вопросы воспитания нравов. С появлением во второй половине XIX века положительных перемен в обществе, в частности, появления книгопечатания, повышения образованности, усилилось взаимодействие устного народного и письменного творчества. Между ними усилился взаимообмен образами и идеями, стали изменяться формы их бытования: письменная фиксация устного текста, фольклоризация и вокализация литературного текста.

¹ Кунафин Г. С. И песней, и сатирой. – Уфа: Китап, 1999. – С. 64.

К концу XIX века в целом завершился процесс идейно-эстетического самоопределения башкирских творцов в сторону утверждения в литературе национально-самобытных и народных начал в социальном их выражении. В течение столетий, транслируя в себя общетюркские и общемусульманские духовно-культурные ценности, осваивая и творчески перерабатывая богатейший опыт восточных и тюркских писателей, к тому времени башкирская литературная мысль проявила готовность к подлинно художественному осмыслению надвигающейся новой действительности XX века.

Работы, опубликованные по теме диссертации:

1. Древнетюркские памятники письменности по отношению к башкирской литературе. //История башкирской литературы в 6-ти т., т.1. - Уфа, Башкир-книгоиздат, 1990. - С. 32-78. (на башк. яз.).
2. Хикаяты. //История башкирской литературы в 6-ти т., т.1. - Уфа, Башкир-книгоиздат, 1990. - С. 404-415. (на башк. яз.).
3. Творчество А. Каргалы. //История башкирской литературы в 6-ти т., т.1. - Уфа, Башкир-книгоиздат, 1990. -С. 60-70. (на башк. яз.).
4. Творчество Х. Салихова. //История башкирской литературы в 6-ти т., т.1. - Уфа, Башкир-книгоиздат, 1990. - С. 71-83. (на башк. яз.).
5. Творчество Бахави. //История башкирской литературы в 6-ти т., т.1. - Уфа, Башкир-книгоиздат, 1990. - С. 96-104. (на башк. яз.).
6. Письменная поэзия 1 пол. 19 века. //История башкирской литературы в 6-ти томах, т. 2. - Уфа, БКИ, 1990. - С. 51-60. (на башк. яз.).
7. Родной Башкортостан: научно-популярное издание для средних школ (в соавторств.). - Уфа, Китап, 1993. - 302 С.
8. Пером и словом. - Уфа, Китап, 1993. - 208 С.
9. К. Гали. Поэма о Юсуфе (предисловие, перевод, комментарии). - Уфа, Китап, 1993. - 273 С. (на башк. яз.).
10. Неизвестная страница башкирской литературы 30-х годов. - //Родной язык и литература (материалы республиканской научно-практической конференции). - Уфа, БГУ, 1994. - С. 85-86.
11. Историческая проза в современной башкирской литературе. // Ватандаш, 1996, № 1. С. 147-152. (на башк. яз.).
12. Взаимосвязи литературы и истории // Агидель, 1996, №8. - С. 124-137. (на башк. яз.).
13. Археография. Бузъегет. Заки Ш. Каргалы А. Кисекбаш китабы. Манди Кутуш-Кыпсаки. Салихов Х. Текстология. //Башкортостан: краткая энциклопедия. - Уфа, Башкирская энциклопедия, 1996.
14. Суфизм в башкирской литературе. //Башкортостан: краткая энциклопедия. - Уфа, Башкирская энциклопедия, 1996. - С. 553.
15. Религиозная символика в поэзии Бабича. // Народный поэт в памяти народной. - Уфа, Китап, 1996. - С. 90-98. (на башк. яз.).

16. Через круги ада // Трудный путь к правде. - Уфа, Китап, 1997. - С. 64-79.
17. Абус. Любовь Урала (предисловие, составление, транслит., комментарии). - Уфа, Китап, 1997. - 399 С. (на башк. яз.).
18. История и культура Башкортостана: учебное пособие для 9-11 классов средних школ (в соавт.) - Москва, МДС, 1997. - 480 с.
19. Литературоведение и современность. - Уфа, Китап, 2001. - 318 С. (на башк. яз.).
20. «Развитие» как литературоведческое понятие. // На рубеже веков: отдельные вопросы обществ.- гуманитарных и естеств.-математ. наук в трудах ученых Башкортостана, ч. 2. - Нефтекамск, 2001. - С. 246-251.
21. Некоторые проблемы формирования башкирской литературоведческой терминологии. // Межкультурный диалог в евразийском пространстве (материалы международной научной конференции). - Уфа, БГУ, 2002. - С. 232-233.
22. «Кисса-и Юсуф» К. Гали. - // Башкирское народное творчество, т.6 (составление, комментарии в соавторств.) - Уфа, Китап, 2002. - 552 С. (на башк. яз.).
23. Актуальные вопросы башкирского литературоведения // Ядгар, 2003, № 1. С. 21-27. (на башк. яз.).
24. Изобразительные средства башкирской литературы (вопросы литературной деятельности): учеб. пособие для вузов. - Уфа: БГУ, 2003. - 128 С. (на башк. яз.).
25. Башкирская литература начала века. // Башкирская литература XX века: учебник для вузов. - Уфа, 2003. - 578 С. (на башк. яз.).
26. Некоторые теоретич. вопросы преподавания художественной литературы // Изучение баш. языка и лит-ры в средней и высш. школе (материалы респ. конференции). - Уфа, 2003. - С. 241-243. (на башк. яз.).
27. Период взлетов и падений // Агидель, 2004, № 3. С. 19-24 (на башк. яз.).
28. Жанровая природа литературных произведений о Салавате // Идея свободы в жизни и творчестве С. Юлаева: материалы Всероссийск. научной конференции. - Уфа, Гилем, - 2004. С. 353-357.
29. Литературная мысль древних тюрок // Урал-Алтай: через века в будущее // Материалы Всеросс. науч. конф-ции. - Уфа: Гилем, 2005. - с. 286-282.
30. Истоки башкирской литературной мысли // Агидель. - 2005. № 4, № 5, № 6, № 7.

КС «ПроКОПИЯ» г. Уфа, ул. Ленина, 174

Св-во № 304027802800031.

Подписано в печать 15.08.2005. Формат 84х108¹/₃₂. Гарнитура Таймс.

Объем 2,54 усл. печ. л. Тираж 100 экз.